



*На правах рукописи*

**Тариева Лилия Увайсовна**

**ПАРАДИГМА ЛИЦА В ЯЗЫКАХ ЭРГАТИВНОГО СТРОЯ**

**Специальность 10.02.19 – теория языка**

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
доктора филологических наук

НАЛЬЧИК  
2017

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

**Научный консультант** – **Габуния Зинаида Михайловна**,  
доктор филологических наук, профессор,  
профессор кафедры русского языка и общего  
языкознания ФГБОУ ВО «Кабардино-  
Балкарский государственный университет  
им. Х.М. Бербекова»

**Официальные оппоненты:** **Халидов Айса Идрисович**,  
доктор филологических наук, профессор, про-  
фессор кафедры русского языка и методики его  
преподавания ФГБОУ ВО «Чеченский педаго-  
гический государственный университет»

**Гусаренко Сергей Викторович**,  
доктор филологических наук, профессор,  
заведующий кафедрой культуры русской ре-  
чи ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский феде-  
ральный университет»

**Шилихина Ксения Михайловна**,  
доктор филологических наук, доцент, доцент  
кафедры теоретической и прикладной  
лингвистики ФГБОУ ВО «Воронежский  
государственный университет»

**Ведущая организация:** ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Защита состоится 15 сентября 2017 года в 13.00 на заседании диссер-  
тационного совета Д 212.076.05 при ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский го-  
сударственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, КБР,  
г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ка-  
бардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГБОУ ВО  
«Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».  
Режим доступа: <http://www.kbsu.ru>.

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2017 года

Ученый секретарь  
диссертационного совета  **Чепракова Татьяна Александровна**

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В реферируемом диссертационном исследовании в русле общетеоретических проблем презентуется парадигма лица (лицо Созерцающее, лицо Говорящее, лицо Слышащее, лицо Произносящее), свойственная эргативным языкам, индифферентно к номинативным.

**Актуальность** темы диссертационного исследования определяется несколькими факторами:

1. Проблема объяснения богатства именной морфологии эргативных языков, выделяющих не один ядерный падеж имени, противопоставлено номинативным языкам, представляющим единственный ядерный (номинативный) падеж, исторически и синхронно остается неразрешенной, требующей дальнейшего исследования.

2. Остается дискуссионным вопрос о наличии / отсутствии лексического значения у местоименных существительных первого лица, претендующих на ранг наиболее древнего пласта исконных слов, которые должны быть глубоко исследованы в каждом языке, в котором они диахронически представляют падежную систему.

3. Местоименные существительные со статусом «первое лицо» эргативных языков, интерпретированные с лингвоцентрической точки зрения и в соответствии с антропоцентрическим (глубинным) аспектом их представления (и в обратном направлении), не изучались в типологическом языкознании, противопоставленные одному личному местоимению первого лица единственного числа номинативных языков.

4. Неисследованными остаются не совпадающие в языках различных стратегий пути трансформации в языковую область процессов перцептивного и понятийного уровней мышления *саг* 'homo', в дистинкции собственного *со* 'эго' связанные с эгоцентрическими функциями лица речедеятеля, исследованными от смысла к тексту и от текста к смыслу.

**Объектом** исследования являются компоненты парадигмы лица, вступающие между собой в интеракциональные отношения. В качестве **предмета** исследования избрана прототипическая функция компонентов парадигмы лица, находящихся в гомогенно-гетерогенных отношениях друг с другом. Выбор **темы** диссертационной работы определяется грамматическим способом представления категории лица, соотносенной с эгоцентрическими со-

ставляющими парадигмы лица эргативных языков, в дистинкции собственно-эго не совпадающих в языках различных стратегий.

В основу проведенного исследования положена следующая **гипотеза**: различие в представлении категории ядерного падежа в грамматической системе эргативного и номинативных языков обуславливается релевантностью прототипических функций эгоцентриков, репрезентируемых на языковом уровне в качестве категориального свойства личных местоимений первого лица единственного числа, на глубинном уровне соотносимых с гетерогенными антропоцентриками.

**Целью** диссертационного исследования является презентация и обоснование функций компонентов парадигмы лица (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего) эргативных языков, выступающих в качестве десигнаторов языковых знаков: личных местоимений первого лица единственного числа, неоднозначно представленных на глубинном (понятийном) уровне гетерогенными антропоцентриками, дифференцированными семантической (понятийной) инвариантной категорией постулированности/приобретенности.

В работе в соответствии с поставленной целью предполагается решение **следующих задач**:

1) исследование и обобщенное представление специальной теоретической литературы по поставленным проблемам: внесение в теорию речевых актов, в теорию языковой личности, в теорию языкового значения, в теорию речевой деятельности в целом существенных (базовых, узловых) понятий в целях интерпретации компонентов парадигмы лица, связанных с речевой деятельностью эргативного языка, противопоставлено номинативному языку;

2) обоснование и уточнение необходимой терминологии, достаточной для проведения исследования;

3) презентация компонентов парадигмы лица эргативных нахских языков, вводимых в обиход лингвистического исследования на основе рефлексивного режима интерпретации, впервые представленного в данном исследовании;

4) дифференциация лиц, семантически противопоставленных на аффективные (Созерцающее и Слышащее) и речевые (Говорящее и Произносящее);

5) представление механизма организации функций аффективных лиц посредством мультифакторных фреймов;

6) лингвистическая презентация эмпатии как вертикальной страты, сопровождающей каждый из фреймов аффективных лиц;

- 7) исследование принципов дифференциации лиц парадигмы на аффективные и речевые в связи с эвиденциальностью;
- 8) вскрытие релевантности распределения лиц в семантически различных лингвопрагматических установках;
- 9) анализ каждой из прототипических функций лиц парадигмы для определения их статуса на различных уровнях структуры эргативного языка;
- 10) таксономическое представление глаголов в эргативных языках, обусловленное прототипической функцией каждого из компонентов парадигмы лица, закодированного в семантической структуре глагола, определяющего гетерогенность глагольных групп;
- 11) исследование категории эвиденциальности, удостоверяемой субъектом с эпистемическим *хоалу* 'чувствуя воспринимаю' статусом высказывания;
- 12) исследование функции аффективных лиц на предмет их удостоверения субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания;
- 13) исследование речевых лиц на предмет их удостоверения субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания;
- 14) исследование различных функций лица, представляющих на понятийном уровне разных антропоцентриков *саг* 'homo', вводимых в теорию понятийных категорий эргативных языков;
- 15) исследование каждой отдельной функции полифункционального речевого лица Произносящего;
- 16) представление фреймова организованного процесса каузации как одной из функций лица Произносящего, посредством регулярных морфологических средств – аффиксоидов, лексических каузативных средств, синтаксических каузативных приемов;
- 17) презентация понятийной категории постулированности/приобретенности, на основе которой дифференцированы компоненты парадигмы лица и корпуса глаголов.

**Материалом исследования** явились речевые образцы, иллюстрирующие функциональную представленность компонентов парадигмы лица, встречающиеся в научных текстах, лексикографической литературе, в живой ингушской (нахской) речи, записанной нами в различные годы (2 тысячи часов аудиозаписи, около ста часов распечатки). При репрезентации функции каждого из компонентов парадигмы лица эргативных языков использовались лексикографические материалы по нахским языкам, изданные в различные годы. В качестве базового, первого языка в работе использует-

ся эргативный ингушский язык, на котором издан специализированный, предназначенный для данного исследования словарь (Орфографический словарь ингушского языка 2009 г.), репрезентирующий наиболее полно глагольную и именную системы данного эргативного языка (50 тысяч слов), откуда извлекался практический материал для исследования. Имена (прономены) и глаголы (глагольные формы), собранные в данном словаре, вступают друг с другом в интеракциональные отношения, выступая в качестве интерпретируемых единиц, репрезентированных в пределах диатез и каузативных фреймов эргативных нахских языков.

**Степень научной разработанности проблемы.** Парадигма лица и все положения, выносимые на защиту, призванные объяснить богатство именной морфологии эргативных языков и ряд других актуальных проблем, связанных с функционированием эргативности, впервые вводятся в обиход лингвистического исследования. Лицо Говорящее со статусом первое, выделяемое в языках обеих стратегий, интерпретировано как зарубежными, так и отечественными лингвистами (Дж. Лайонз (1978), Ю.Д. Апресян (1986), Е.В. Падучева (1993, 2006), Г.А. Золотова (2001) и др.). Лицо Говорящее в эргативных языках впервые истолковывается в контексте с другими «первыми» лицами (Л.У. Тариева (2013, 2014, 2015, 2016, 2017)). Синхронно наука располагает лингвистическим описанием лица Говорящего, которое интерпретировано с лингвоцентрической и/или эгоцентрической точек зрения. Антропоцентричность языка обнаруживается в отдельных языковых значениях, вскрывающих «представление о человеке» как о «естественной точке отсчета» в трудах различных ученых: Э. Бенвениста (1974), Ю.Д. Апресяна (1995), Е.С. Кубряковой (2004), Е.В. Падучевой (1993, 2000, 2006), М.А. Атакуловой (2006), В.А. Гуреева (2005).

В номинативных языках в центр современного языкознания выдвигается фигура Говорящего, за спиной которого возникает фигура Наблюдателя, интерпретированная в работах отечественных лингвистов Ю.Д. Апресян (1995), Г.И. Кустова (1999), Е.В. Падучева (1993, 2006), В.Л. Верхотурова (1998, 2004, 2006), А.В. Кравченко (1992, 1993) как «закадровая» категория. В эргативных языках в центре современного языкознания располагаются, на наш взгляд, речевые компоненты парадигмы лица, вводимые в теорию языковой личности в данном исследовании. Эгоцентрическая парадигма лица, призванная объяснить феномен богатой именной морфологии эргативных языков, до сих пор не была представлена в языкознании.

Возможность ввода компонентов парадигмы лица в теорию речевой деятельности эргативных языков, противопоставлена номинативным языкам, синхронно индифферентным парадигме, обуславливается, на наш взгляд, признанием за местоименными существительными лексического значения, согласно концепции ряда российских ученых (Н.Н. Волков (1984), М.В. Всеволодова (2000), О.Н. Селивестрова, В.Н. Ярцева (1988), В.В. Глыбин (1999), К.Е. Майтинская (1969), Е.В. Падучева (1985), М.А. Шелякин (1986), Н.Ю. Шведова (1998), Т.В. Шмелева (1997), К.Х. Шмидт (1995), а также ингушведов: А.С. Куркиев (2006), К.З. Мальсагов (1965), А.З. Гандалоева (2009), Р.Р. Хайрова (2013, 2015), Л.У. Тариева (2013, 2014, 2015, 2016, 2017)).

В данной работе впервые предпринимается попытка исследования конвенционально организованных функций компонентов парадигмы лица (аффективных и речевых) на основе семантической (понятийной) категории постулированности/приобретенности, вводимой в теорию понятийных категорий, как свойственной эргативным (нахским) языкам прототипической категории, противопоставленной номинативным языкам, индифферентным данной категории в этой области знания. Компоненты парадигмы лица эргативных языков, функционально дифференцированные на речевые лица, за кадром которых возникают аффективные лица, выраженные местоименными существительными, репрезентированы с функциональной точки зрения в нескольких десятках статей автора диссертации [2013, 2014, 2015, 2016, 2017].

Идея ввода в теорию языковой личности эргативных языков компонентов парадигмы лица, связанных с функционированием личных местоимений (или местоименных существительных) первого лица единственного числа, возникла в силу ряда причин (в языках различных стратегий личные местоимения первого лица квалифицируются в качестве универсалии; личные местоимения функционируют в языках различных стратегий, не только номинативной и эргативной; местоименные существительные первого лица представлены на различных уровнях структуры языка; компоненты системы местоименных существительных претендуют на ранг наиболее древнего пласта слов в лексической системе разноструктурных языков; личные местоимения относятся к исконному пласту лексики в генетически неродственных языках; в разноструктурных языках на морфосинтаксическом уровне местоименные существительные обладают статусом первого лица; личные местоимения первого лица принимают непосредственное участие в субъектно-объектной дистрибуции; личные местоимения участвуют в каузативных про-

цессах разноструктурных языков; местоименные существительные в составе высказывания могут с объектной позиции подниматься до уровня субъектной в процессе каузации; грамматически представляют ядерный падеж имени в номинативных языках и основные (ядерные) падежи в эргативных языках; личные местоимения первого лица прототипически участвуют в каузативных процессах различных языков; личные местоимения валентны классным показателям (родовой категории).

Человеческий фактор (в нашем случае – релевантные функции лица речедеятеля) отражается в языке, воспроизводится в нем. Человек не может не присутствовать в языке, объективируясь и субъективируясь в его структуре и семантике, подтверждая тезис Э. Бенвениста об антропоцентрически устроенной лингвистике [1974].

Для нас представляется важным соотношение пласта личных местоимений первого лица единственного числа, как лингвоцентрических знаков, с антропоцентрическим аспектом их экспонации в процессе их истолкования от текста к смыслу и от смысла к тексту.

Антропоцентризм как воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий, детерминируется теорией языкового эгоцентризма, интерпретированного в концепциях ряда зарубежных и российских ученых Б. Рассела (1999, 2001), Э. Бенвениста (1974), В. фон Гумбольдта (1984, 1985, 2001), Э. Сепира (1993), С.Д. Кацнельсона (1986, 2002), Р. Якобсона (1972, 1985); И.И. Мещанинова (1984), Ю.С. Степанова (1966, 1981, 2001), Е.В. Падучевой (1993, 2000, 2006), Ю.Д. Апресяна (1986, 1995), Н.Д. Арутюновой (1988, 1998), В.А. М.А. Атакуловой (2006), А.В. Бондарко (1990), А. Вежбицкой (2001), Е.С. Кубряковой (2004), А.А. Леонтьева (2000), В.А. Гуреева (2004, 2005), А.В. Кравченко (1992), Л.У. Тариева (2014, 2015) и др.

Эгоцентризм, возникающий на основе антропоцентризма, представляется, на наш взгляд, на поверхностном лингвоцентрическом уровне как категориальное свойство прежде всего личных местоимений первого лица единственного числа, квалифицируемых как исконный и наиболее древний пласт лексики различных языков мира, неоднозначно стратифицированный в номинативных и эргативных языках.

В языках различных стратегий экспонация личного местоимения первого лица единственного числа гетерогенна. В номинативных языках в дистрикции собственного эго представлена одна форма личного местоимения пер-



вого лица единственного числа, которая, согласно точке зрения Э. Бенвениста, существует в том акте речи, в котором данная форма высказана [1974]. В эргативных языках в акте познания собственного *со* 'эго' обнаруживается не одна форма личного местоимения первого лица единственного числа, обусловленная эгоцентричными компонентами парадигмы лица единственного числа.

Диссертационное исследование основывается на **методологических и теоретических положениях**, верифицированных в лингвистической литературе: 1) лингвоцентрические и антропоцентрические разыскания отечественных и зарубежных лингвистов в области теории языка (Ю.Д. Апресян (2006), Е.М. Вольф (1975, 2002), М.В. Всеволодова (1968, 2000), В.А. Плунгян (1996, 2009), И.М. Кобозева (1986), Н.А. Козинцева (1994), В. фон Гумбольдт (1985, 1984/2001), Г.А. Золотова (1973, 1982, 2001), В.И. Карасик (1992, 2002, 2009), А.Е. Кибрик (1970, 1979, 1992, 1997, 1999, 2005), Е.В. Падучева (1985, 1993, 1995, 2000, 2001, 2005, 2006, 2008), Я.Г. Тестелец (1987, 2001, 2003); А.В. Кравченко (2006), Э. Кинэн, Б. Комри (2010.), Б. Комри (1976, 1981, 2000), Дж. Лайонз (1977, 1978), Г. Липпс (1907, 1910) Дж. Остин (1986, 1999), Дж. Риццолатти (2012), Дж. Р. Серль (1974, 1986), Л. Теньер (1988), Я. Хинтиikka (1980), М.Н. Davis (1996), R. Dixon (2000), R. Jakobson (1957), S. Kuno, E. Kaburaki (1977), B. Russell (1940) W.L. Chafe, J. Nichols (1987), A.Y. Aikhenvald (2004); 2) научные исследования по проблемам эргативности и именной морфологии кавказских языков (Р. Диксон (2004), Г.А. Климов (1997, 2009), М. Е. Алексеев (1985, 1999, 2003), А.Е. Кибрик (1999, 2005), А.М. Дирр (1950), З.М. Габуния (2002, 2010), П.К. Услар (1989), А.С. Чикобава (1980), К.В. Ломтатидзе (1976), А.И. Халидов (2003, 2008); 3) научные изыскания по проблемам местоименной системы номинативных языков и эргативных нахских языков (Е.М. Вольф (1975, 2002), Н.Н. Волков (1984); Е.В. Падучева (1985, 2006), Н.А. Петрова (1995), В.Н. Селиверстова, В.Н. Ярцева (1988), Т.В. Шмелева (1988, 1997), М.А. Шелякин (1986), Е.В. Яковлева (1999); Ю.Д. Дешериев (1963, 1967, 1972), А.В. Кравченко (1992, 1993), И. Оздоев (1964, 1982), А.С. Куркиев (2006), Р.Р. Хайрова (2013, 2015), И.Ю. Алироев (1998, 1990), А.И. Халидов (2010, 2013), Ф.Г. Оздоева, М.А. Кульбужев (2006). А.З. Гандалоева (2009, 2012), Л.У. Тариева (2013, 2014, 2015, 2016, 2017).

**Научная новизна** диссертационного исследования заключается в разработке и вводе в теорию языковой личности, в теорию языкового значения, в теорию понятийных категорий, в теорию речевого акта и в теорию речевой

деятельности в целом теоретических положений, которые в совокупности призваны объяснить проблемы, разводящие языки различных стратегий (эргативной и номинативной) в исследуемой области знания.

Диссертация представляет монографическое исследование, в котором впервые в теории языкознания приведен комплексный анализ функций таксономически организованных компонентов парадигмы лица, релевантных для эргативных языков, противопоставленных минативным языкам, индифферентным компонентам парадигмы, отраженным в местоименной системе языка.

Специфика функционирования компонентов парадигмы лица, впервые введенных в современную теорию дискурса: Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего, релевантных в решении вопросов теории языковой личности, предопределяется знаковым статусом местоимений первого лица единственного числа.

Компоненты парадигмы лица, исследуемые с точки зрения их прототипической функции, обнаруживаются в рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации, вводимой в обиход лингвистического исследования эргативных языков, противопоставленном диалогическому режиму интерпретации как исходному в номинативных языках.

В теорию речевых актов не просто вводится рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации эргативных языков, на его основе представляется функция локутивного акта. Репрезентация отдельно оформленных локутивных актов, экспонирующих двух локуторов кряду, связана в эргативных языках со структурно-семантической дифференциацией речевых лиц со статусом первые.

Впервые в теории речевых актов предлагается исследование личных местоимений первого лица единственного числа, конгруэнтных в эргативных языках на глубинном уровне речевым лицам-эгоцентрикам, с точки зрения моторики мультифакторных фреймов интенциональности аффективных лиц, линейно стратифицированных и в финали обнаруживающих речевые лица-локуторы, противопоставленные локутору в номинативных языках.

Научная новизна диссертационного исследования заключается также и в том, что в теорию речевой деятельности эргативных языков вводится лингвистически интерпретированное понятие эмпатии (вчувствование, переживание, сопереживание).

Обнаружение гомогенно-гетерогенных лиц парадигмы увязывается нами с презентацией двух лингвопрагматических установок, имеющих отно-

шение к теории языкового значения, также вводимых в обиход лингвистического исследования эргативных языков, противопоставлено номинативным. Диссертационное исследование отличается обоснованием репрезентативной модели семантической (понятийной) категории постулированности/приобретенности, претендующей на статус базовой закономерности функционирования эргативных языков в избранной к исследованию области знания. Согласно данной категории интерпретируются вводимые в теорию понятийных категорий антропоцентрики эргативных языков, противопоставленные одному антропоцентрику номинативных языков.

**Теоретическая значимость** диссертационной работы определяется вводом в теорию языковой личности эргативных языков компонентов парадигмы лица, соотнесенных с проблемами функционирования системы личных местоимений как универсалии, свойственной языкам различных стратегий (номинативной и эргативной), за которыми признается (или не признается) в русле синхронного языкознания наличие лексического значения. Теоретическая значимость определяется также проблемами антропоцентрического аспекта представления эгоцентрических элементов, участвующих в таксономии компонентов парадигмы лица, генерированных на основе языковой экспликации различных эго, восходящих к единому денотату – лицу, шифтерно представленному в структуре эргативных языков vs. нерасслоенному лицу номинативных языков.

Теоретическое значение может иметь ввод в теорию речевого акта лингвопсихологической интерпретации аффективных лиц парадигмы, выражающейся во фреймово организованной мультифакторной интенциональности субъектов модуса, обнаруживаемых вертикальной стратой фреймов – эмпатией в естественных эргативных языках.

Теоретическое значение в вопросах расстановки стратегий (номинативной и эргативной) имеет ввод в теорию речевой деятельности понятийных категорий, представляющих гетерогенных антропоцентриков, т.е. *саг* 'homo' как диалектически интеракциональных (взаимодействующих) в естественных эргативных языках и неоднозначно вербализованных на поверхностном уровне личными местоимениями первого лица единственного числа.

Теоретическое значение имеет также ввод в теорию речевой деятельности эргативных языков рефлексивного режима интерпретации канонической (элементарной) ситуации, противопоставленной канонической речевой ситуации номинативных языков. Существенное теоретическое значение име-

ет, на наш взгляд, исследование личных местоименных существительных первого лица единственного числа эргативного ингушского (нахского) языка как особого рода дискурса (способа говорения). Каждое из личных местоимений первого лица единственного числа (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я') истолковывается в качестве полнозначного предложения в направлении от смысла к тексту и от текста к смыслу.

Важное теоретическое значение в вопросах расстановки стратегий имеет обоснование полифункциональности речевого лица Произносящего, обладающего в качестве одной из основных функций каузации свойств глаголов различных корпусов, присущих эргативным нахским языкам.

Теоретическое значение имеет также классификация глаголов эргативных языков, основанная на акциональности различного рода эгоцентрического компонента парадигмы лица, размещенного в семантической структуре глагола.

Важным теоретическим значением может обладать ввод в теорию речевой деятельности эргативных языков фрейма каузации постулированных и приобретенных свойств глаголов.

Выводы исследования могут оказаться значимыми в решении ряда лингвопрагматических, лингвopsихологических, лингвофилософских проблем, которые необходимо разрешить в типологическом аспекте представления языковых единиц, а также и в решении ряда проблем когнитивной лингвистики языков различных стратегий, что в целом должно способствовать, на наш взгляд, семантическому (понятийному) объяснению феномена эргативности в представляемой области знания.

**Практическая значимость.** Область приложения результатов исследования обуславливается теоретической значимостью основных положений диссертационной работы. Результаты исследования могут быть применены в области типологического изучения теории речевых актов, теории языковой личности, теории модальности, теории понятийных категорий, в области лингвопрагматики, лингвopsихологии, а также в изучении теории речевой деятельности эргативных языков vs. номинативным языкам.

Выводы исследования могут быть использованы в изучении семантики и структуры местоименных существительных, при лингвистическом анализе текста, при изучении функций местоименных существительных со статусом «первые», при изучении соотношения базовых единиц языка, исследованных с антропоцентрической и/или лингвоцентрической точек зрения.

Теоретические выводы исследования могут быть положены в основу семантического (понятийного) объяснения языковых явлений (категория лица), релевантных в такой области знания, как расстановка эргативной и номинативной стратегий.

Материалы исследования могут лечь в основу разработки спецкурсов, спецсеминаров, курсов лекций по лингвопсихологии, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике, лингвистической типологии эгоцентрических элементов эргативных и номинативных языков. Материалы исследования могут быть использованы и при составлении спецкурса по идиоэтнической языковой картине мира. Семантическое (понятийное) объяснение эргативности в исследуемой области знания может способствовать обоснованию точек соприкосновения для более глубокого и всестороннего взаимопонимания между носителями эргативного и номинативного мышления.

Новая интерпретация терминологии, представленная в данной работе, может быть применена для общего сводного описания лингвистической терминологии эргативных языков в их противопоставлении номинативным языкам.

Исследование функций компонентов парадигмы лица эргативных языков, противопоставленных номинативным языкам, индифферентным парадигме лица, производится посредством **методов парадигмальной методологии**, связанной с новыми способами объяснения и описания, инновационно организованного знания. Парадигмальная методология, использованная для анализа компонентов парадигмы лица эргативных языков, является, на наш взгляд, релевантным основанием для интерпретации системных отношений между разнородно-однородными лицами парадигмы.

**Методологическим основанием** парадигмального исследования функций различных лиц явились: 1) гомогенность и гетерогенность функций эгоцентриков; 2) учет контекста функционирования лиц; 3) учет валентностных возможностей лиц парадигмы; 4) противопоставленность семантической составляющей компонентов парадигмы лица; 5) разнородность прототипических функций, обусловленная неоднозначной акциональностью аффективных и речевых лиц. Парадигмальная методология, примененная в исследовании функций компонентов парадигмы лица – это такая модель, которая может быть принята, если следовать концепции американского исследователя Т. Куна (в его работе «Структура научных революций»), в качестве образца постановки проблем и разрешения исследовательских задач, релевантного в типологической лингвистике. В диссертационном исследовании разработан

метод функционального разбора каждого из компонентов парадигмы лица посредством лингвопсихологического приема (метод интроспекции и ретроспекции), вскрывающего фреймовую организацию аффективных лиц. Посредством лингвопрагматического способа вскрыта функция речевых лиц, размещенных в гетерогенных прототипических установках, за кадром которых располагаются аффективные; приемы когнитивно-парадигмального метода увязывают воедино языковую и речемыслительную представленность компонентов парадигмы лица.

**На защиту выносятся положения, впервые введенные в обиход лингвистического исследования:**

1. С антропоцентрической и лингвоцентрической точек зрения языки эргативной стратегии располагают компонентами парадигмы лица (Созерцающим, Говорящим, Слышащим, Произносящим), исследуемыми в направлении от смысла к тексту и от текста к смыслу.

2. Компоненты парадигмы лица эргативных языков вскрываются в рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации, истолкованной в дистинкции собственного *со* 'эго', vs. диалогическому режиму интерпретации.

3. В эргативных языках функция аффективных лиц (Созерцающего и Слышащего) имеет конвенциально оформленную фреймовую организацию: лицо Созерцающее в финали фрейма результирует пропозитивной информацией, интериоризованной в качестве визуального эвиденциала. Лицо Слышащее в финали фрейма результирует пропозитивной информацией, истолкованной в качестве аудитивного эвиденциала.

4. Эмпатия, сопровождающая моторику фреймов интенциональности, результирующих в финали речевыми лицами, квалифицируется как вертикальная страта фреймов аффективных лиц, вскрывающая квант познания функций аффективных лиц, квант познания посредством аффективных лиц речевых лиц и квант отношений между ними.

5. Фреймово организованная функция аффективного компонента парадигмы лица (субъекта модуса лица Созерцающего и / или субъекта модуса лица Слышащего), в финали вскрывающая когницию: речевое лицо Говорящее (и/или лицо Произносящее), удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом высказывания различного уровня и неоднозначной функции.

6. Эгоцентрические лица парадигмы выступают в качестве семантической компоненты местоименных существительных первого лица единствен-

ного числа в языках эргативной стратегии vs. номинативным языкам с одним местоименным существительным первого лица единственного числа.

7. Функция субъекта модуса (аффективных лиц: Созерцающего, Слышащего), выступающая как семантическая компонента местоименного существительного первого лица единственного числа в аффективной форме имени, по отношению к речевым лицам парадигмы квалифицируется в качестве модальной, непосредственно связанной с эвиденциальностью, удостоверяемой субъектом с эпистемическим статусом высказывания, представляющем вершинного антропоцентрика в модальной сфере языка (*хов саг* 'homo sciens').

8. Прототипическая функция предложения предиктируется лицу Говорящему, категоризация которого увязывается с функцией аффективного лица Созерцающего, интерпретированного в рефлексивном режиме, противопоставленного Наблюдателю номинативных языков.

9. Эргативные языки функционируют на основе двух лингвопрагматических установок в *oigo* (в начале): *со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь' и *у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь' противопоставленные одной прагматической установке номинативных языков (*я здесь сейчас*).

10. Классификация глаголов эргативных языков производится на основе функции эгоцентрического компонента парадигмы лица, встроенного в семантическую структуру глаголов в качестве магистрального актанта с учетом одной из двух лингвопрагматических установок, дифференцирующих действие (состояние, процесс) глагола согласно категории постулированности/приобретенности.

11. Речевое лицо Произносящее прототипически обнаруживается в эргативных языках в нескольких функциях подряд, включая и каузативную, противопоставлено номинативным языкам, индифферентным полифункциональному эгоцентрику.

12. Каждое из лиц парадигмы эргативных языков, размещенных в одной из лингвопрагматических установок, репрезентирует автономного эгоцентрика, за которым на глубинном (понятийном) уровне обнаруживается антропоцентрик, или *саг* 'homo' (*хоалу саг* 'homo sentiens', *кхета саг* 'homo sapiens', *сакхета саг* 'homo spiritus', *хов саг* 'homo sciens', *хета саг* 'homo presentans'), соотношенный с лингвоцентрической системой местоименных существительных первого лица единственного числа.

13. Гомогенно-гетерогенная эгоцентрическая и системоцентрическая представленность антропоцентрика обусловлена семантической категорией

постулированности/приобретенности, функционирующей в эргативных языках в качестве базовой.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения и результаты диссертационного исследования прошли апробацию в ряде статей, докладов, публикациях зарубежных изданий, международных, всероссийских, а также региональных конференций и в ряде сообщений на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания. Отдельные положения работы нашли отражение в монографиях («Наречие в ингушском языке» 2012; «Современный ингушский язык. Морфология» – коллективная монография (2012); «Междометия в системе частей речи ингушского языка» (2012); «Лингвокультуроведческие аспекты изучения отраслевого словаря». Основные положения диссертации представлены в 50 статьях, опубликованных в различных журналах. Двадцать три статьи изданы в реферируемых журналах, входящих в перечень ВАК (2013, 2014, 2015, 2016, 2017).

Общий объем опубликованных по теме диссертации работ составил 11, 78 п.л.

**Структура и объем исследования.** Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, списка сокращений, библиографии, приложения. Общий объем исследования составляет 582 страницы текста. К основному тексту прилагается перечень источников анализируемых материалов, включающий 403 наименования трудов отечественных и зарубежных ученых, а также словарь лингвистических терминов, интерпретированных с целью исследования темы диссертации.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Презентация компонентов парадигмы лица, дифференцированных в рефлексивном режиме интерпретации» в теорию языковой личности вводятся компоненты парадигмы лица (лицо Говорящее, лицо Произносящее, лицо Созерцающее, лицо Слышащее). Эгоцентричные лица парадигмы интерпретированы с антропоцентрической (глубинной) и лингвоцентрической (поверхностной) точек зрения.

В эргативных нахских языках, в отличие от номинативных языков, на поверхностном (грамматическом) уровне функционируют три личных местоимения первого лица единственного числа, на глубинном уровне представляющих четыре гетерогенных эгоцентрика, образующих парадигму



лица в нахских языках. Каждое из лиц парадигмы презентировано на основе введенного в теорию речевого акта рефлексивного режима интерпретации прототипической (канонической) речевой ситуации. Рефлексивный режим интерпретации (инг. *духтIавалар шийгахьа дерзадаь раж*) – это противопоставленный диалогическому (речевому) режиму исходный способ толкования канонической речевой ситуации эргативных языков в дистинкции собственного *со* ‘эго’, обнаруживающий контекст в форме парадигмы гетерогенно-гомогенных лиц, необходимый для обоснования значения и дифференциации смысла эгоцентрических свойств объекта, осознающего себя субъектом – носителем нескольких эго кряду, необходимых для полноценного речевого акта коммуникации.

Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации вводится в первой главе в обиход лингвистического исследования эргативных языков с целью семантического объяснения расслоенности (шифтерности) лица. Парадигма лица, выведенная на основе рефлексивного режима интерпретации, в дистинкции собственного *со* ‘эго’ включающая четыре лица (Созерцающее, Говорящее, Произносящее, Слышащее), представляет собой в эргативных языках иерархически строго организованную систему аппозитивных компонентов, морфосинтаксически экспонированных одним словом-предложением (*со* ‘я’, *аз* ‘я’, *сона* ‘я’).

В номинативных языках центральным объектом современной лингвистики обозначается «Говорящий». В эргативных языках в синхронной лингвистике в фокусе эмпатии находятся не только «Говорящий» (инг. *со лув* ‘я говорю’, чеч. *со лов*, бацб. *со лев*), но и «Произносящий» (инг. *аз оал* ‘я произношу’; чеч. *ас оалу*; бацб. *ас оал*), экспонированные как разные функции одного лица. Лицо Говорящее и лицо Произносящее обычно интегрированы в речевом акте, их совмещение генерирует Субъекта речи, обуславливающего успешный и удачный речевой акт. Удачная интеграция двух функций, синхронная интеракция функции лица Говорящего и лица Произносящего результирует совершенно иным возможным миром, в котором информация передается соединением двух миров: одновременно и артикуляционно и акустически охарактеризованной речью в целях коммуникации. Совмещение морфосинтаксически дифференцировано представленных фонетических процессов (артикуляции и акустики в одном акте говорения) генерирует в эргативных нахских языках специфику функционирования локуторов. Локутор – это лицо, ответственное за высказывание. Релевантным семантическим раз-

личием между двумя локуторами: лицом Говорящим, выраженным на поверхностном уровне номинативной формой имени (инг. *со* (NOM) – *хьо* (NOM) ‘я – ты’ (чеч. *со-хьо*, бацб. *со-хьо*);), и лицом Произносящим, представленным на морфосинтаксическом уровне эргативной формой имени (инг. *аз* (ERG) – *Ia* (ERG) ‘я – ты’; чеч. *ac* // *аса* – *ахь*; бацб. *ac-ахь*), является сочетаемость первого с клитиками – родовыми обозначителями и индифферентность лица Произносящего категории рода (класса).

На поверхностном лингвоцентрическом уровне интеракция между четырьмя лицами парадигмы в эргативных языках передается модусно-диктумными отношениями. Модусная (персуазивная) часть гипотаксиса представляет одно из аффективных лиц парадигмы (Созерцающее или Слышащее), интенция которых результирует речевыми лицами (Говорящим, Произносящим). Пропозитивная часть гипотаксиса экспонирует эмпатически обнаруживаемые речевые лица (Говорящее или Произносящее), на поверхностном уровне выраженные ядерными падежами имени (номинативным и эргативным).

Аппозитивные эгоцентричные компоненты, обнаруживающиеся в рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации, представляют собой семантическую базу, на основе которой формируется система ядерных (основных) падежей эргативного нахского языка.

Первое лицо, на поверхностном уровне выраженное номинативно-абсолютивной формой имени, на «глубинном» представляет эгоцентрика «лицо Говорящее». Первое лицо, на поверхностном (морфосинтаксическом) уровне обозначенное эргативной формой имени, на глубинном (антропоцентрическом) репрезентирует эгоцентрика «лицо Произносящее». Первое лицо, на грамматическом уровне представленное аффективной формой имени, на глубинном обозначает «лицо Созерцающее». Первое лицо, на грамматическом уровне представленное аффективной формой имени, на глубинном репрезентирует «лицо Слышащее». Аффективные лица демонстрируют запуск механизма модального эго, т.е. третьего неречевого эгоцентрика с претензией на первое лицо и субъектную позицию в составе высказывания.

Грамматическая категория «личные местоимения первого лица единственного числа» – это та область поверхностного (морфосинтаксического) знания, в которой кумулируются и дистрибутируются первичные эгоцентрики как глубинная категория языка, обосновывающая запуск механизма антропоцентричности в структуре и семантике эргативного языка.

Во второй главе «Лингвopsихологический аспект представления компонентов парадигмы лица» в теорию речевой деятельности введены два гетерогенных фрейма интенциональности аффективных лиц (Созерцающего и Слышащего), принимающих непосредственное участие в генерации речевого акта в одно слово-предложение (*Со 'Я'*), интерпретированного как каноническая (элементарная) речевая ситуация. Фрейм интенциональности лица Созерцающего представляют собой мультифакторный, конвенционально организованный процесс зеркальных нейронов. Зеркальные нейроны, функционирующие в виде линейных страт, интенционально направляются из субъективной интравертной области мышления в объективную за пропозитивной визуально охарактеризованной информацией. Видеокадр «лицо говорит», выхваченный из реальной действительности в дистинкции собственного *со 'эго'*, экспериенциально доставляется в континуум перцептивного мышления. Интериоризованная (овнутренняя) таким образом информация о лице говорящем эвиденциально закрепляется в исходной точке интенции лица Созерцающего в области перцептивного мышления. Эвиденциально закрепленная информация о лице говорящем, доставленная интенциональным актом лица Созерцающего, есть номинация лица, способного к артикуляции, выраженная личным местоимением первого лица единственного числа в номинативной форме имени (*со 'я'*).

Во втором разделе второй главы исследования введен фрейм интенциональности лица Слышащего, представляющий собой мультифакторный, конвенционально организованный процесс аудитивных нейронов, функционирующих в виде линейных страт. Аудитивные нейроны интенционально направляются из субъективной интравертной области мышления в объективную за пропозитивной акустически охарактеризованной информацией. Аудиокадр «лицо произносит», выхваченный из реальной действительности в дистинкции собственного *аз 'эго'*, экспериенциально доставляется в континуум перцептивного мышления. Интериоризованная таким образом информация о лице, способном произносить, эвиденциально закрепляется в исходной точке интенции лица Слышащего в континууме перцептивного мышления. Эвиденциально закрепленная информация о лице произносящем есть номинация лица, способного к произношению, личным местоимением первого лица единственного числа в эргативной форме имени (*аз 'я'*).

Два фрейма интенциональности генерируют в континууме эргативного мышления два эвиденциально различных возможных мира, запуская два не-

однозначных типа мышления, обусловленных наличием пропозитивной эвиденциальной (визуальной и аудитивной) информации в перцептивной области мышления. Функция аффективных лиц, накапливающая в континууме мышления индивида разнородную эвиденциальную информацию, квалифицируется нами в качестве модальной, непосредственно связанной с категорией эвиденциальности в эргативных языках.

Наличие в континууме мышления модальной функции аффективных лиц (лица Созерцающего и лица Слышащего), результирующей эвиденциально закрепленными речевыми лицами (Говорящим и Произносящим), верифицируется в эргативных языках функцией субъекта с эпистемическим статусом высказывания, обладающего более высоким рангом в недоступной для стороннего наблюдения области мышления.

**Субъект** с эпистемическим *хоалу* 'чувствую' статусом высказывания на морфосинтаксическом уровне удостоверяет наличие доставленной его операторами аффективными лицами экстравертной (т.е. эвиденциальной) информации посредством гипотаксического контекста (см. примеры первого и второго раздела второй главы).

Фреймы интенциональности лица Созерцающего и лица Слышащего вскрывают рамочно организованный механизм онтогенетических аффективных свойств лица речедеятеля, обобщаемых в грамматическую категорию первого лица, неоднозначно представленную в языках различных стратегий.

В третьей главе «**Когнитивный аспект функционирования компонентов парадигмы лица**» с теорией речевой деятельности увязывается эмпатия (вчувствование, переживание, сопереживание), квалифицированная в качестве вертикальной страты фреймов интенциональности аффективных лиц парадигмы. Эмпатия введена в теорию речевой деятельности эргативных языков как интеллектуальное свойство, имеющее непосредственное отношение к речи, языку и мышлению, т.е. к организации акта коммуникации. Эмпатия, сопровождающая моторику фрейма интенциональности лица Созерцающего и лица Слышащего, вскрывает не просто феномен **познания чувств** (познание функции аффективных лиц: *гар* 'видения' и *хазар* 'слышания' в дистинкции собственного эго), запускающих механизм двух гетерогенных возможных миров в континууме мышления речедеятеля. Эмпатия представляет собой и феномен **познания посредством чувств** когниции (функции речевых лиц: Говорящего и/или Произносящего), вскрываемых в финали фрейма интенциональности аффективными лицами. В разделе «Эмпатия и ре-

жимы интерпретации» второй главы эмпатия представлена как **феномен отношения** между лицами одного фрейма и лицами различных фреймов синхронно (т.е. одновременно) с феноменом познания неоднозначных функций аффективных лиц (Созерцающего, Слышащего), интеракциональных между собой и гетерогенными речевыми лицами (Говорящим и Произносящим).

В процессе эмпатии (вчувствования) в моторику фрейма интенциональности вначале обнаруживается эвиденция, т.е. визуальная живая картинка «лицо говорящее» и аудитивная живая акустика «лицо произносящее». Эвиденциальность подобного рода, указывающая на то, что обнаруженные в континууме мышления речевые лица в эргативных языках распадаются на артикуляционно репрезентированное лицо Говорящее, на грамматическом уровне в языках обеих стратегий представленное личным местоимением первого лица единственного числа в ядерном падеже имени (инг., чеч. бац. *со* 'я'; рус. *я* 'со') и акустически наполняющее речение лицо Произносящее, системоцентрически представленное эргативной формой имени (инг. *аз* 'я'; чеч., бацб. *ас* 'я') в нахских языках. Оба лица по релевантности претендуют на первую позицию в функции подлежащего. Синхронность двух модификаций интенциональности, каждая из которых кумулирует два фокуса (аффективный и когнитивный), вскрываются эмпатией, указывающей на возможный мир, в котором удачно совмещены визуальный и аудитивный эвиденциалы, в дистинкции собственного эго более полно отражающие в субъективном мышлении реалии дискретно осваиваемого мира в эргативных языках, vs. номинативным языкам. Онтогенетический аспект представления эмпатии, квалифицирует ее как интегральное интеллектуальное свойство, сопутствующее линейно организованному мультифакторному фрейму рефлексивного переживания аффективных чувств. Это такое свойство, которое трансцендентно проецируется в опыт рефлексивного переживания аффективных чувств «другого» в диалогическом режиме, трансцендентно обуславливая сопереживание, во-первых, в целях подтверждения рефлексивного опыта переживания (феномен познания) и, во-вторых, в целях взаимопонимания (феномен отношения). Удачное наложение эмпатии, апробированной в рефлексивном режиме интерпретации, на эмпатию «другого» обуславливает диалогический режим взаимопонимания в акте коммуникации, характерный для эргативных и номинативных языков.

Понятие фокус эмпатии в эргативных нахских языках тесно связано с понятием трансценденции. Эмпатия как вертикальная страта фреймов аффек-

тивных лиц (Созерцающего, Слышащего), отслеживая моторику линейных страт блока, обнаруживает различные виды трансценденции, квалифицированные нами как фокусы эмпатии (**механический фокус эмпатии; внутри-фреймовый фокус эмпатии; межфреймовый фокус эмпатии; диалогический фокус эмпатии**), обуславливающие специфику локуторных отношений в языке, представляющих кумуляцию различных семантических (понятийных) категорий: антропоцентриков *сag* 'homo' на глубинном уровне, неоднородно отражаемых в грамматике эргативных и номинативных языков.

Две модификации эмпатии, каждая из которых вскрывает два фокуса – аффективный и когнитивный, обнаруживает синтагматико-парадигматические, или интеракциональные, отношения между аффективными и речевыми лицами, демонстрирующими эквиолентные отношения:

1) лицо Созерцающее vs. лицу Слышащему как визуальный эвиденциал аудитивному и наоборот;

2) лицо Говорящее vs. лицу Произносящему как артикулирующее лицо акустическому;

3) лицо Созерцающее vs. лицу Говорящему как аффективное лицо когнитивному (т.е. речевому);

4) лицо Слышащее vs. лицу Произносящему как аффективное лицо когнитивному (т.е. другому, второму речевому);

5) лицо Созерцающее валентно только лицу Говорящему (артикулирующему);

6) лицо Слышащее обладает чувствительностью только на лицо Произносящее (акустически наполняющее речение);

7) Лицо Слышащее индифферентно лицу Говорящему (артикулирующему);

8) лицо Созерцающее индифферентно лицу Произносящему (акустически наполняющему речение);

9) лицо Созерцающее эмпатически гомогенно лицу Слышащему интравертной функцией (персуазивной частью);

10) лицо Говорящее гомогенно лицу Произносящему тем, что оба речевых лица представляют экстравертную информацию, доставленную в континуум мышления фреймами интенциональности.

В **четвертой главе** диссертации «**Репрезентация аффективных компонентов парадигмы лица**» интерпретируется синтактика аффективных лиц, обусловленная их неоднозначной модальностью, и представ-

ляется интеракциональность лица Созерцающего и лица Слышащего с антропоцентрическими категориями (различного рода *cas* 'homo'), собственными эргативным языкам.

Введенный в первой главе исследования в теорию языковой личности эргативных языков аффективный эгоцентрик лицо Созерцающее, семантически коррелирует с Наблюдателем номинативных языков. Презентированный в первой главе эгоцентрик лицо Слышащее, морфосинтаксически представленный аффективной формой имени личного местоимения первого лица, индифферентен номинативным языкам. В основе интеракциональности аффективных лиц парадигмы эргативных языков, принимающих морфосинтаксически представленное участие в акте коммуникации, лежат гомогенно-гетерогенные отношения.

Сущность интенциональности аффективных лиц, представленной во второй главе исследования, заключается в том, что она обуславливает модальность (отношение) лица Созерцающего и Слышащего к речевым лицам. Следствием запуска онтогенетического механизма аффективных лиц является эвиденциальность, свидетельствующая о том, что в дистинкции собственного *co* 'эго' и *az* 'эго' функции речевых лиц (видеокадр «лицо говорит» и аудиокадр «лицо произносит») как явления реальной действительности стали достоянием сознания. Подобного рода эвиденциальность – это та область континуума мышления, откуда черпается номинируемая словом предложением (*Co* 'Я' или *Az* 'Я') информация.

Пропозитивная часть (видеокадр *лув юхь* 'лицо Говорящее' и/или аудиокадр *оала юхь* 'лицо Произносящее'), обнаруживающаяся в финали фреймов интенциональности аффективных лиц (Созерцающего или Слышащего), имеет отношение к личным местоимениям первого лица ед. числа в номинативной и эргативной формах имени (*co* 'я' и *az* 'я') тем, что формирует их лексическое значение. Скрытая персуазивная (или чисто смысловая аффективная) часть остается за кадром, не отражаясь в лексическом значении местоимений, выраженных номинативной и эргативной формами имени, поэтому визуальный и аудитивный субъекты модуса (т.е. лицо Созерцающее и лицо Слышащее) в эргативном языке могут быть выражены синтаксическим нулем, или, как принято говорить, может оставаться «за кадром», «за спиной» лица Говорящего, равно как в номинативных языках функционирует Наблюдатель. Существенным отличием Наблюдателя номинативных языков от лица Созерцающего эргативных языков является претензия аффективного лица нахских

языков на статус первого лица, выраженного ядерным падежом имени, способного выступать в функции подлежащего. Функция лица Созерцающего, распознающего функцию лица Говорящего, и функция лица Слышащего, распознающего функцию лица Произносящего, в интравертной области мышления удостоверяется, прежде всего, антропоцентриком *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. субъектом восприятия, операторами которого и являются аффективные лица (Созерцающее и Слышащее). Антропоцентрик *хоалу саг* 'homo sentiens', отражается лингвоцентрически в рамочной части гипотаксического контекста (см. третий и шестой разделы четвертой главы диссертации).

Релевантность функций аффективных лиц (Созерцающего, Слышащего) заключается в их способности как модальных субъектов смысла кумулировать в континууме мышления индивида пропозитивную информацию, образующую визуальный и аудитивный возможные миры.

**Функция отношения** субъекта модуса (Созерцающего, Слышащего), т.е. субъекта восприятия к речевому лицу (Говорящему, Произносящему), к субъекту речи, **в эргативных языках** квалифицируется нами в качестве модальной, непосредственно связанной с категорией эвиденциальности, контролируемой аффективным эгоцентриком, на поверхностном уровне отражаясь гипотаксическим контекстом.

Отображение в лингвоцентрической системе эргативных языков (инг. *сона* 'я', чеч. *суна* 'я', баэб. *сон* 'я') модальной функции аффективных лиц посредством ядерного падежа имени указывает на тот факт, что модальность (отношение субъектов модуса – Созерцающего и Слышащего, к субъектам речи – Говорящему и Произносящему) квалифицируется как релевантный фактор лица, субъективируемый на различных уровнях структуры эргативного языка. Наличие в континууме мышления видеокадра («лицо говорит») и аудиокадра («лицо произносит») как эвиденциальной информации удостоверяется субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания в гипотаксическом контексте (см. третий и шестой разделы третьей главы).

В пятой главе исследования «**Репрезентация речевых компонентов парадигмы лица**» интерпретируется интеракциональность введенных в теорию языковой личности эргативных нахских языков речевых лиц парадигмы (Говорящего и Произносящего), находящихся в гомогенно-гетерогенных отношениях между собой и аффективными (Созерцающим и Слышащим) лицами, их распознающими. Речевые лица в эргативных нахских языках антропоцентрически с разных сторон (артикуляционной, акустической) пред-



ставляют речевой акт. В эргативных языках дифференциация речевых функций лица речедеятеля (говорение vs. произнесению) на морфосинтаксическом уровне отражается различными падежами имени. Дистинкция собственного *co* 'эго', выделяющая в первую очередь лицо Говорящее, с которым обычно может совмещаться лицо Произносящее, это та область языкового мышления, которая противопоставлена номинативным языкам, истолковывающим только речевое лицо Говорящее в ядерном падеже имени.

Лицо Говорящее, стоящее в центре языка и мира номинативных языков, соотносится с артикулирующим лицом Говорящим эргативных языков, индифферентно акустически охарактеризованному лицу Произносящему. Лицо Говорящее в номинативных языках в исходной форме имени выступает в функции грамматического субъекта в позиции подлежащего, равно как и в эргативных языках. Однако в нахских языках – это не единственное первое лицо. Только гетерогенные релевантные функции **лица** речедеятеля прототипически номинируются в нахских языках в дистинкции собственного *co* 'эго', субъективирующегося на различных уровнях структуры этих эргативных языков.

Аффективные лица парадигмы, в силу их непосредственного отношения к речевым лицам, интерпретируются в качестве модальных операторов, способных распознавать и удостоверять функцию когнитивных лиц (Говорящего и Произносящего) в гипотаксическом контексте. Лицо Говорящее, стоящее в центре языка и мира в языках эргативной и номинативной стратегий, вскрывается неоднозначно: в эргативных нахских языках оно обнаруживается функцией лица Созерцающего, имеющего субъектную (подлежащую) позицию в составе предложения, выраженную аффективным падежом имени. За функцией лица Говорящего номинативных языков возникает Наблюдатель, выступающий как семантический субъект, не имеющий собственной подлежащей позиции на поверхностном морфосинтаксическом уровне. В эргативных языках (например, в нахских) функции лица Говорящего, которому предидируется прототипическое *лер* 'изречение', противопоставлена функция лица Произносящего, которому предидируется прототипическая имманентная функция *алар* 'акустического наполнения речения'. Номинативные языки индифферентны подобного рода интеракции лиц. Функция лица Произносящего, «помысленная» модальным лицом Слышащим, – это пропозитивная речевая информация, распознанная интенциональностью аудитивного аффективного лица в качестве обнаруженного, уже смоделированного, готового к запуску речевого механизма.

В дистинкции собственного эго изречение *аз 'я'*, распознанное функцией лица Слышащего, есть номинация лица, сообщающая о релевантности *произносительной* функции лица, совмещающейся с *речевой артикуляционной* деятельностью того же лица.

В лексическом значении местоимения первого лица единственного числа в номинативной форме имени *со 'я'*, конгруэнтного лицу Говорящему, отражаются только две семемы: «лицо» и «говорит», которые для эргативно-го мышления равны полнозначному предложению, так как посредством слова-предложения *Со 'Я'* номинируется референция – лицо речедеятеля через сообщение о его свойстве говорении. За пределами лексического значения местоименного существительного в номинативной форме имени эргативных языков остается необходимый для обнаружения лица Говорящего смысл: интенциональная интравертно-экстравертная функция лица Созерцающего. Смысловая часть представления речевого лица может быть экспонирована в речи и языке (например, гипотаксический контекст) в рамочной части эргативных языков аффективной формой имени с претензией на первое лицо или может оставаться за кадром, т.е. выражаться нулем в языках обеих стратегий.

В лексическом значении личного местоимения первого лица единственного числа в эргативном падеже имени (*аз 'я'*) отражены также две семемы: «лицо» и «произносит», которые в совокупности маркируются эргативным речевым мышлением в качестве полнозначного предложения (*Аз 'Я'*). Предложение-слово (*Аз 'Я'*) номинирует лицо посредством акустического наполнения речения, т.е. сообщая о функции лица прототипическим действием произнесением, при удачном речевом акте, совмещающемся с прототипически релевантным действием «говорением». В эргативных языках совмещение двух функций лица (говорение и произнесение) квалифицирует прототипический речевой акт как успешный и удачный, лингвоцентрически отраженный двумя прямыми падежами имени (ядерным падежом, номинирующим говорение, и вторым ядерным падежом, номинирующим произнесение). В падежной системе номинативных языков отсутствует дифференциация речевых лиц по артикуляционному и акустическому принципу противопоставления и, соответственно, выделяется только один ядерный падеж имени (номинативный).

За пределами лексического значения местоименного существительного в эргативной форме имени, конгруэнтного лицу Произносящему, остается необходимый для обнаружения данного лица смысл: интенциональная ин-

травертно-экстравертная функция лица Слышащего, эгоцентрически индифферентная номинативному языку.

Функция лица Говорящего как ядра канонической речевой ситуации в любом режиме (рефлексивном, диалогическом) интерпретации, возникающая на основе объективного онтологического свойства локутора *йистхилар* 'артикулирования' (или «речения»), экстенционально перерастающего в *лер* 'говорение', характерна для языков различных стратегий (номинативной и эргативной).

В эргативных нахских языках на первую позицию выдвигается, кроме лица Говорящего, также и другое речевое лицо Произносящее со статусом первое, семантически (понятийно) распознанное аффективным лицом Слышащим.

Лицо Произносящее как ядро канонической речевой ситуации эргативных языков в любом режиме (рефлексивном, диалогическом) интерпретации, вскрывающееся на основе категоризации объективного онтологического свойства локутора *алар* 'произнесения' (или акустического наполнения речения), распознаваемого аудитивным эгоцентриком, функционального только в языках эргативной стратегии, отлично от языков номинативной стратегии, индифферентных данной категории.

Интеракциональность гомогенно-гетерогенных лиц парадигмы заключается в том, что функция лица Говорящего vs. функции лица Произносящего как артикулирующая функция лица акустической функции. Функции аффективных лиц противопоставлены как два гетерогенных оператора (Созерцающее и Слышащее), обуславливающие два различных возможных мира (визуально и/или аудитивно воспринимаемые) в континууме мышления. Аффективные лица, дискретно выхватывающие в дистинкции собственного эго различные речевые функции лица, обуславливают шифтерность (переключаемость) онтогенетических функций лица.

Взаимообусловленность шифтерных лиц в эргативных языках проявляется:

- 1) эксплицитными и имплицитными отношениями (речевые лица наблюдаемы, аффективные – интравертно-экстравертны);
- 2) валентностью (аффективные лица, как мыслительная категория, обладают чувствительностью на различные речевые лица);
- 3) антецедентностью (лицо Созерцающее как мыслительная категория антецедентно лицу Говорящему; лицо Слышащее как мыслительная интравертная категория антецедентна лицу Произносящему);

4) консеквентностью (речевые лица Говорящее и Произносящее консеквентны по отношению к аффективным лицам, так как обнаруживаются ими как готовый к запуску механизм);

5) взаимодействием (функции четырех гетерогенных лиц совмещаются, обуславливая синхронно удачный и успешный речевой акт);

6) эксплицитностью (экстравертной, пропозитивной) речевых лиц, отражающейся в лексическом значении личных местоимений первого лица единственного числа эргативных языков;

7) имплицитностью (интравертная, модусная) интенции аффективных лиц, не входящей в лексическое значение локуторов (речевых лиц) эргативных языков.

Гомогенным объединяющим началом четырех компонентов парадигмы лица является, прежде всего, их отношение к единому денотату – лицу речедеятеля, онтогенетически обладающему неоднозначной активностью и демонстрирующему гетерогенную агентивность, обуславливающую претензию эгоцентричных лиц на статус первого лица в тексте. Взаимосвязь функций четырех гомогенно-гетерогенных компонентов парадигмы лица (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего) представляет собой необходимое условие для запуска механизма прототипического акта коммуникации. Референциальная гетерогенность лиц, являющаяся критерием их ролевого разграничения, в эргативных языках не препятствует претензии каждого компонента парадигмы на агентивную роль в акте коммуникации. **Функции речевых лиц, обнаруживаемые аффективными лицами в качестве готового к запуску механизма,** дают основание эргативному мышлению квалифицировать речевые лица (Говорящее и Произносящее) в качестве **постулированных** единиц языка. Категоризация лица Говорящего, наряду с остальными лицами парадигмы, осуществляемая в рефлексивном режиме интерпретации, есть основание для запуска механизма диалогического режима с подключением лица Слышащего, достаточно хорошо интерпретированного в языкознании номинативных языков. В дистинкции собственного эго категоризация функций лица речедеятеля связана с рефлексивным и диалогическим режимами интерпретации речевой ситуации.

В шестой главе диссертации «**Лингвопрагматические условия реализации прототипической функции лица Говорящего**» в теорию речевой деятельности эргативных нахских языков введены две обладающие рядом дифференциальных и интегральных признаков лингвопрагматические установки (инг.

*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь и у кх аз а хланз 'тут еще я в пространстве теперь'), противопоставленные одной прототипической прагматической установке номинативных языков (рус. *я здесь сейчас*).

Речевые лица эргативных нахских языков (Говорящее и Произносящее), введенные в теорию языковой личности как референции-эгоцентрики, отражающие релевантные функции реально существующего лица речедеятеля, в дистинкции собственного *со* 'эго' категорированы в качестве когнитивных компонентов парадигмы лица (см. третью и пятую главу), «за спиной» которых стоят аффективные (Созерцающее, Слышащее) лица-«смыслы». На грамматическом уровне представленные двумя ядерными падежами имени (*со* 'я' и *аз* 'я') два речевых лица (Говорящее и Произносящее) размещаются в центре двух прототипически релевантных лингвопрагматических установок. За кадром лица Говорящего, размещенного в первой классической лингвопрагматической установке (*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь'), располагается помыслившее речевое лицо Созерцающее, морфологически представленное аффективной формой имени. За кадром лица Произносящего, расположенного в центре второй лингвопрагматической установки эргативных языков (*у кх аз а хланз* 'тут еще я в пространстве теперь'), находится лицо Слышащее, помыслившее собственное произношение (см. третий раздел шестой главы). Номинативные языки индифферентны подобного рода эгоцентрично расслоенным отношениям лица, грамматически неоднозначно представленным.

Размещение в *origo* (в начале) речевых лиц в различных прагматических установках, верифицированных гомогенно-гетерогенной семантической функцией аффективных (Созерцающего, Слышащего) лиц, стоящих за кадром речевых лиц, на наш взгляд, обладает объяснительной силой в вопросах расстановки стратегий (номинативной и эргативной) в исследуемой области знания.

Первая установка эргативных языков, в центре которой располагается лицо Говорящее, скоординированное с хронотопом (местовременем) его размещения, коррелирующая с прагматической установкой номинативных языков (*я здесь сейчас*), названа нами классической (инг. *со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь'; чеч. *со в у хлици* 'я мужчина тут теперь'; бацб. *со в а ици* 'я мужчина в пространстве теперь') в силу того, что прагматическая установка номинативных языков также кодирует речевое лицо Говорящее в номинативной форме имени (*я здесь сейчас*), синхронно располагающееся в центре языка и мира. Лицо Говорящее в языках обеих стратегий скоординировано с темпорально-локативной точкой, выступающей в *origo* 'в начале'

как естественное прагматическое условие, вне которого невозможен акт коммуникации, с этой точки зрения языки эргативной и номинативной стратегий не противопоставлены друг другу.

В языках различных стратегий на первую позицию выдвигается Говорящий, который в эргативных нахских языках распознается лицом Созерцающим, морфосинтаксически представленным личным местоимением первого лица единственного числа в аффективной форме имени, противопоставленным Наблюдателю номинативных языков. В номинативных языках в прагматической установке за кадром лица Говорящего стоит Наблюдатель, грамматически не субъективированный в системе, например, славянского русского языка собственным ядерным падежом имени. Наблюдатель в русском языке может выступать в функции семантического субъекта, представленного не ядерным падежом имени (сравните: рус. *Мне* (DAT) видно vs. инг. *Сона* (AFF) гу 'Я вижу').

Лицо Говорящее, наряду с лицом Произносящим, это тот глубоко эгоцентричный ориентир, в контексте с которым ведется отсчет пространства и времени в эргативных языках. В номинативных языках в этой функции выступает только лицо Говорящее как единственный эгоцентричный ориентир, размещенный в пространстве (здесь) и во времени (сейчас), т.е. в прагматической установке (*я здесь сейчас*), обозначенной в *origo* (в начале) как необходимой для акта коммуникации.

Исследование функций компонентов парадигмы лица, введенных в первой главе в теорию языковой личности эргативных языков, указывает на их конвенциональное размещение в двух неоднозначных прагматических установках. Две релевантные лингвопрагматические установки, введенные в теорию речевой деятельности эргативных языков, указывают на то, что естественный ингушский язык, кодирующий лицо Говорящее в *a* 'в пространстве' в целом, а не у 'тут, рядом', как в чеченском языке, и не редуцированно, как в других нахских языках (чеченском и бацбийском), а в чистом виде сохраняющий обе прототипические прагматические установки, в которых размещаются речевые лица, с закадровыми позициями аффективных (смысловых, модальных) лиц, является основой эргативных нахских языков, и в этом качестве синхронно функционирует как единственный язык, в котором Говорящий «помнит» о своем расслоенном размещении в пространстве и во времени в *origo* (в начале). Расслоенное размещение означает, что на глубинном понятийном уровне за речевыми лицами вскрываются различные антропо-

центрики. За лицом Говорящим, грамматически выраженным номинативной формой имени, размещенным в центре лингвопрагматической установки *со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь' стоит *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человек понимающий, а за лицом Произносящим, грамматически выраженным эргативной формой имени, размещенным в центре лингвопрагматической установки *у кх аз а хIанз* 'тут еще я в пространстве теперь', скрывается антропоцентрик *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человек-дух.

В седьмой главе «**Лица парадигмы в классификации глаголов эргативных языков**» представлена таксономия глагольных групп, обусловленная интеракцией трех категорий: эгоцентрических прототипических функций **компонентов парадигмы лица**, дистрибутированных в различных **прагматических установках** согласно категории **постулированности/приобретенности**.

Семантический подход к исследованию глагольной и именной лексики эргативного ингушского языка вскрыл правила, сообразно которым лица парадигмы (эгоцентрики: *зу юхь* 'лицо созерцающее', *хоза юхь* 'лицо слышащее', *лув юхь* 'лицо говорящее', *оала юхь* 'лицо произносящее'), дифференцированные согласно категории постулированности/приобретенности, дистрибутируются в семантической структуре глаголов различных корпусов на правах первой валентности, названной нами магистральной.

Репрезентация **номинативных** глаголов связана с кумуляцией в первую очередь глаголов предложения (например, *йистхила* 'изречь', *ле* 'говорить', *кхайка* 'окликать'), диахронически первично экспонированных в дистинкции собственного *со* 'эго' и квалифицированных как языковые единицы постулированной семантики, так как свойство, заложенное в глаголах говорения, вскрывается аффективным эгоцентриком парадигмы – лицом Созерцающим, как прототипическое свойство лица, эвиденциально закрепленное в эргативном мышлении как неотчуждаемое, смоделированное в прагматической ситуации *со а воацаш* 'когда я мужчина не в пространстве' vs. ситуации *со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь' и vs. *у кх аз а хIанз* 'тут еще я в пространстве теперь').

**Эргативные** речевые (произносительные: *ала* 'произнести', *дувца* 'озвучено говорить', *яха* 'говорить в диалогическом режиме' и др.) глаголы распознаются в одной из функций полифункционального лица Произносящего, за которым на глубинном уровне закодирован антропоцентрик *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человек-дух. Произносительные имманентные свойст-

ва лица речедеятеля вскрываются как обнаруженные в качестве неотчуждаемого свойства аффективным лицом Слышащим в прототипической функции лица, способного к акустическому наполнению речения.

**Аффективные** (модальные) глаголы (инг. *сона хоз* 'я слышу', *сона гу* 'я вижу', *сона хов* 'я знаю', *сона довз* 'я узнаю'; чеч. *суна хез*, *суна го*, *суна хаа*, *суна давз*; бацб. *сон хацI*, *сон га*, *сон хав*, *сон дацI*) функционально принадлежат аффективному лицу, закодированному в семантической структуре глагола магистральной валентностью. Аффективные (или модальные) глаголы, имеющие отношение к речению в эргативных языках относительно немногочисленны. Их количество зависит от качества чувственно-воспринимающего аппарата речедеятеля, т.е. от функции антропоцентрика *хоалу саг* 'homo sentiens', механизм запуска которого связан с интеракциональностью двух лингвопрагматических установок эргативных языков, экспонирующих глубинных антропоцентриков.

Интегральными признаками речевых лиц, закодированных в глаголах речения и произнесения, с аффективными лицами, закодированными в модальных глаголах, являются:

- 1) их отношение к дистинкции собственного *со* 'эго';
- 2) вскрытие речевых лиц аффективными лицами;
- 3) толкование аффективных и речевых лиц в качестве постулированных свойств лица;
- 4) их выявление в релевантных для эргативных языков двух прототипических прагматических установках;
- 5) их обнаружение, а не моделирование в одной из двух лингвопрагматических установок;
- 6) общность закадровой позиции аффективных лиц, выступающих как субъекты модуса, обнаруживающие речевые лица;
- 7) транзитивность речевых лиц на поверхностном синтаксическом уровне на объект в локативе (сравните инг.: *Со (NOM) хьога (LOK) лув* 'Я тебе говорю', *Со (NOM) хьога (LOK) йист хул* 'Я к тебе обращаюсь' и *Аз (ERG) хьога (LOK) оал* 'Я тебе говорю (озвучено); *Аз (ERG) хьога (LOK) ях* 'Я к тебе обращаюсь' и др.);
- 8) обнаружение речевых лиц модальными лицами постулированной семантики;
- 9) удостоверение речевых лиц модальным лицом с эпистемическим *хоалу* 'ощущаю, чувствую' статусом высказывания;



10) их удостоверение модальным лицом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания.

Антропоцентрически и лингвоцентрически релевантным при интерпретации аффективных глаголов, глаголов речения и произнесения, квалифицированных как языковые единицы постулированной семантики, является их рассмотрение в качестве функции одного из эгоцентричных речевых лиц, на глубинном (понятийном) уровне представляющих дифференцировано экспонированных в данном исследовании антропоцентриков, т.е. *саг* 'homo' постулированной и/или приобретенной семантики (см. схему восьмой главы).

Принадлежность функции артикуляционного исполнения речения лицу типично вскрывается в языках обеих стратегий: языки номинативной стратегии также размещают лицо Говорящее, обнаруживающееся в момент исполнения глагольного свойства речения (изречения), в центре лингвопрагматической установки (рус. *я-здесь-сейчас* = инг. *со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь').

По аналогии с первичной (прототипической, неотчуждаемой, постулированной) функцией (*йистхилар* 'изречения', *лер* 'говорения'), предцируемой лицу Говорящему, ему же предцируются соответственно все репрезентируемые глаголами различные свойства, механизм запуска которых **в качестве уже наличествующего и неотчуждаемого обнаруживается** в прагматической ситуации *со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь', а не моделируется в ней (см. седьмую главу четвертый раздел).

Эргативные глаголы кодируют в качестве облигаторной магистральной валентности полифункциональное лицо Произносящее, одной из основных функций которого, кроме прототипической, является исполнение глагольного свойства приобретенной семантики во второй лингвопрагматической установке *укхаза хIанз* 'здесь и сейчас' (см. седьмую главу, четвертый раздел и восьмую главу). Глаголы эргативного ингушского языка не спрягаются по лицам, а классифицируются по отдельным корпусам (номинативным, эргативным, аффективным и др.), в зависимости от характера эгоцентричного лица парадигмы (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего), инкорпорированного в семантическую структуру глагола. Каждое из лиц парадигмы в прототипической функции демонстрирует одно из свойств глагола постулированной и/или приобретенной семантики.

Лица парадигмы, исполняющие магистральную функцию в семантической структуре глагола, претендуют на статус первых лиц и на грамматиче-

ском уровне выражаются личными местоимениями первого лица единственного числа, представляя ядерные падежи имени в эргативных языках. Четыре лица парадигмы таким образом морфологически представлены тремя ядерными падежами имени (инг. чеч. бацб. *со* 'я' - номинативный падеж; инг. *аз* 'я' (чеч., бацб. *ас / аса* 'я') – эргативный падеж; инг. *сона* 'я' (чеч. *суна* 'я', бацб. *сон* 'я' – аффективный падеж), понятийно коррелирующими с антропоцентрическими категориями – неоднозначными *саг* 'homo', обуславливают богатство именной морфологии эргативных нахских языков.

**В восьмой главе «Полифункциональность речевого лица Произносящего»** всесторонней интерпретации подвергается свойственное языкам эргативной стратегии эгоцентричное лицо Произносящее, названное нами таким образом в силу его прототипической функции – функции акустического наполнения речения. Лицо Произносящее, в силу своей полифункциональности, способно репрезентировать, кроме прототипической функции, также и свойства глаголов приобретенной семантики, локализованных во второй релевантной прагматической установке эргативных языков *ужхаза хIанз* 'здесь и сейчас' (т.е. когда у *кх аз а хIанз* 'тут еще я в пространстве теперь'). Репрезентация свойств глаголов приобретенной семантики квалифицирована нами как вторая основная функция лица Произносящего (см. седьмую главу четвертый раздел).

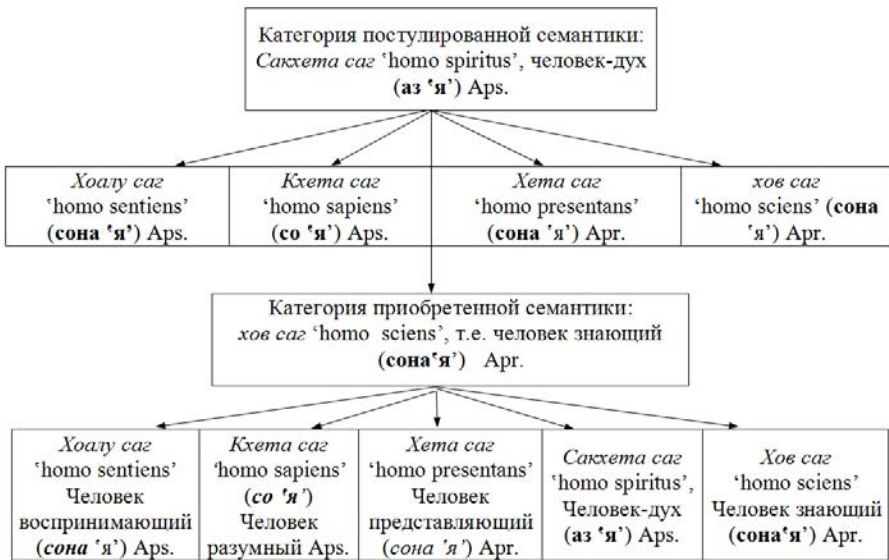
К одной из основных функций лица Произносящего относится также и функция каузации. Каузативные процессы впервые интерпретированы в диссертационном исследовании как имеющие фреймовую организацию.

Блок каузативных процессов, как нам представляется, в нахских эргативных языках кумулирует различного рода виды каузации: манипулятивный, пермиссивный, пермиссивно-манипулятивный, модусивный. Во фрейм каузации эргативного ингушского языка, наряду с другими нахскими, нами введен модусивный тип каузации, осуществляемый аффективным лицом парадигмы, на глубинном уровне представляющий модального антропоцентрика, лингвоцентрически функционирующего как грамматический субъект в позиции подлежащего. Модусивный тип каузации фрейма, на наш взгляд, вскрывает отношение субъекта модуса к процессу вызывания к жизни постулированного и/или приобретенного свойства глагола, заложенного в его семантической структуре. Эргативным языкам, в отличие от номинативных, свойственен также и трансформативный тип каузации, осуществляемый лицом Произносящим, способствующий генерации локативных глаголов.

Эгоцентрическая система парадигмы лица эргативных языков, включающая четыре эгоцентрика (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего), на глубинном (понятийном) уровне соотносится с гомогенно-гетерогенными *саг* 'homo', т.е. антропоцентриками. Два антропоцентрика постулированной семантики *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человек понимающий и *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человек-дух размещаются в двух лингвопрагматических установках (глава), интеракция которых запускает функцию модального субъекта смысла *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующе-воспринимающего.

Самым высоким рангом в континууме эргативного мышления обладают два антропоцентрика постулированной семантики. Первый из них *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человек-дух, одной из основных функций которого является запуск механизма имманентной способности акустического наполнения речения, на поверхностном морфологическом уровне выражается функцией личного местоимения первого лица единственного числа в эргативной форме имени. Другая функция данного антропоцентрика – репрезентация свойств глаголов приобретенной семантики – указывает на возможность моделирования тех или иных свойств лица, приобретаемых во второй прагматической установке и отражаемых в семантической структуре глаголов приобретенной семантики. Следующей функцией антропоцентрика *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, интерпретированного в диссертационном исследовании, является каузация свойств глаголов постулированной и приобретенной семантики. Каузация свойств постулированной семантики в корне отлична от каузации свойств глаголов приобретенной семантики. Каузативные процессы в эргативных языках, фреймово организованные, запускают механизм антропоцентрика приобретенной семантики – субъекта с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания (см. четвертый раздел второй главы, третий и шестой разделы четвертой главы). Категория *хов саг* 'homo sciens', релевантная как вершинная страта в модальной области мышления, представляет собой антропоцентрика приобретенной семантики (см. выводы к седьмой главе), контролирующего функцию всех *саг* 'homo' подряд, включая и свою собственную.

Лицо Произносящее, понятийно восходящее к антропоцентрику *сакхета саг* 'человеку-духу', квалифицируется в качестве Актора, который является основным и безраздельным каузативом прототипических функций всех *саг* 'homo' подряд, как постулированной, так и приобретенной семантики. Смотрите схему:



В схеме представлен основной антропоцентрик *сакхета саг* 'homo spiritus', человек-дух, контролирующей функцию всех эгоцентриков и антропоцентриков,ряду тем, что способен запускать их функцию посредством каузации (т.е. вызывания к жизни) их качеств и свойств во второй лингвопрагматической установке. В скобках обозначена грамматическая представленность антропоцентрика в автономном ядерном падеже имени, обуславливающая богатство именной морфологии эргативного языка.

Личные местоимения первого лица единственного числа – это та область лингвоцентрического знания эргативных языков, в которой не однозначно, а шифтерно отражается человек (человеческий фактор – лицо речедеятеля) vs. номинативным языкам однозначно на системоцентрическом уровне представляющим речевое лицо Говорящее. В центре отношений, возникающих между языковыми знаками – местоименными существительными (инг. *со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я') и понятийными категориями антропоцентриками (различными *саг* 'homo'), располагаются эгоцентрики парадигмы лица, категоризирующие личные местоимения первого лица единственного числа эргативных языков. На синтаксическом уровне, на уровне высказывания, неоднозначные эгоцентричные лица парадигмы функционируют как гетерогенные грамматические субъекты, обусловленные неоднозначными функциями ре-

ального лица речедеятеля. Субъектные отношения в грамматике эргативных нахских языков тесно связаны только с онтогенетическими, релевантными, расслоено представленными функциями лица речедеятеля (человеческий, т.е. антропоцентрический фактор).

В контексте прагматической установки: *co в a xlanz* 'я мужчина в пространстве теперь' кумулируются глагольные свойства постулированной семантики, кодирующие лицо Говорящее, за кадром которого «маячит» лицо Созерцающее, «помыслившее» данное речевое лицо, посредством снятия с него видеокadra «лицо говорит» (см. седьмую главу первый, второй, третий разделы). Лингвоцентрически (в направлении от текста к смыслу) функция речевого лица Говорящего представлена номинативным падежом имени, что соответствует и языкам номинативной стратегии, выделяющим Наблюдателя в его закадровой позиции. В контексте второй прагматической установки эргативных языков – у *кx аз a xlanz* 'тут еще я в пространстве теперь', накапливаются глагольные свойства постулированной, приобретенной и каузативной семантики, включая и такую форму каузатива, как модусив и трансформатив.

Полифункциональное лицо Произносящее, размещенное в центре эргативной установки, за кадром которого располагается аффективное лицо Слышащее, «помыслившее» данное речевое лицо. лингвоцентрически представлено эргативным падежом имени, что соответствует только языкам эргативной стратегии. Номинативные языки индифферентны второй прагматической установке, выделяющейся в *origo* (в начале), т.е. прототипически. Два речевых лица парадигмы ингушского языка, располагающихся в центре двух прагматических установок, встроены в семантическую структуру различных корпусов глаголов эргативного ингушского языка (наряду с другими нахскими), в зависимости от прототипической знаковой функции лица.

Редукция какой-либо функции эгоцентричного компонента парадигмы лица эргативных языков, субъективирование которого связано с его представленностью в семантической структуре глагола в качестве магистральной валентности, приводит к функционально-семантическим изменениям именной и глагольной парадигм эргативного языка, наиболее полно представленных в словаре ингушского языка (Тариева 2009), специально изданного для данного исследования.

Исследование функций эгоцентричных компонентов парадигмы лица эргативных языков обуславливает возможность несколько иной интерпретации лингвистических направлений: номинализма и реализма, зародившихся

еще в недрах античного лингвистического учения. Применительно к языкам эргативной стратегии, реализм (инг. *хъавъа дар*) как лингвистическое направление кумулирует номинации постулированных качеств и свойств речедеятеля, смоделированных в ситуации *со а воацаиш* 'когда я не в пространстве', но обнаруженных в классической прагматической ситуации *со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь' (реализм). Именование свойств и качеств речедеятеля, не вскрываемых, а приобретаемых *укхаз* *хIанз* 'здесь и сейчас' во второй прагматической установке эргативных языков *у кх аз а хIанз* 'тут еще я в пространстве теперь', в которой локализуется *сакхета саг* 'человек-дух', происходит, на наш взгляд, в русле номинализма.

В **заключение** диссертационной работы приводятся основные итоги исследования и формулируются его перспективы, связанные с описанием функций компонентов парадигмы лица.

**Перспективы** теоретических положений, впервые введенных в обиход лингвистического исследования в диссертационной работе, заключаются в возможности их применения к материалу других эргативных языков (дагестанских, австралийских, чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, бурушаски и т.д.) с целью обоснования принципов их функционирования на различных уровнях структуры эргативных языков, противопоставлено номинативным.

В **приложении** приводится пласт лингвистических терминов, интерпретированных с целью раскрытия темы диссертации.

**Основные положения и результаты диссертации отражены в следующих публикациях автора:**

### *Монографии*

1. Лингвокультуроведческие аспекты изучения отраслевого словаря. – Нальчик: Изд-во. М и В. Котляровых, 2010. – 132 с.
2. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке. Морфология / Lap Lambeert, Academic Publishing. – Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 233 с.
3. Современный ингушский язык. Морфология: коллективная монография. – Нальчик: Тетраграф, 2013. – 560 с.
4. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица эргативных языков. – Нальчик: Изд. М и В. Котляровых, 2017. – 221 с.

*Статьи в рецензируемых журналах,  
рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ*

5. Тариева Л.У. Деривация инфинитивных и наречных форм в ингушском языке. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – № 4. – С. 171–178.

6. Тариева Л.У. Прагматический аспект интерпретации личных местоимений в ингушском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2013. – № 6 (81). – С. 47–50.

7. Тариева Л.У. Языковые условия подключения лица Слушающего // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 12 / 2013. – Челябинск. – С. 158-166.

8. Тариева Л.У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2013. – № 4. – С. 84–89.

9. Тариева Л.У. Семантика эргативной формы личного местоимения в ингушском языке // Известия Волгоградского педагогического университета. Современная теория языка. – № 6 (81). – Волгоград, 2013. – С. 62–65.

10. Тариева Л.У. Слышащий в качестве субъекта восприятия // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – № 4 (48). – Астрахань: Астраханский университет, 2013. – С. 30–34.

11. Тариева Л.У. К вопросу об эвиденциальности в ингушском языке // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – № 3 (51). – Астрахань: Астраханский университет, 2014. – С. 45–52.

12. Тариева Л.У. Компоненты парадигмы лица ингушского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Вып. 8. – Челябинск, 2014. – С. 329–337.

13. Тариева Л.У. Модальная функция лица Слышащего на материале русского и ингушского языков // Российский научный журнал. – № 3 (41). – Екатеринбург: Полиграфия, 2014. – С. 257–262.

14. Тариева Л.У. Речение, предизируемое лицу Говорящему // European Social Science Journal «Европейский журнал социальных наук» (международный научный журнал). – М.. – 2014. – Т.1, № 11(50). – С. 213–218.

15. Тариева Л.У. Субъект с эпистемическим статусом высказывания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Вып. 4. – 2014. – С. 57–60.

16. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. – № 4 (52). – Астрахань, 2014. – С. 24–27.
17. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). Т. 3. – № 8. – М.: Наука, 2014. – С. 197–202.
18. Тариева Л.У. Функция лица Произносящего, разводящая языки различных стратегий // Вестник Орловского государственного университета. Серия Новые гуманитарные исследования. – № 5 (40). – Орел, 2014. – С. 197–200.
19. Тариева Л.У. Функция лица Слышащего, удостоверяемая субъектом восприятия (на материале ингушского языка) // Известия Сочинского государственного университета. – № 3 (31). – Сочи, 2014. – С. 219–224.
20. Тариева Л.У. Функция суффиксоидов в процессе речетворчества // Известия Волгоградского государственного педагогического государственного университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 59–63.
21. Тариева Л.У. Языковая экспликация взаимоотношений между лицами парадигмы (на материале ингушского языка) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). Т. 3. № 7. – М.: РИЭПСИ, 2014. – С. 311–316.
22. Тариева Л.У. Исторический аспект генерации номинативных инфинитивных глаголов ингушского языка // Вестник Орловского государственного университета. Серия Новые гуманитарные исследования. – 2015. – № 5 (46). – С. 174–178.
23. Тариева Л.У. Одна из основных функций лица Произносящего в нахском языке // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический журнал. – № 4 (45). – Орел, 2015. – С. 409–414.
24. Тариева Л.У. Критерии актантаго размещения в диатезах нахского языка. В 3-х ч. Ч. 2 // Вопросы теории и практики. Филологические науки. – Тамбов. 2016. – № 6 (60). – С. 164–168.
25. Тариева Л.У. Репрезентация номинативных глаголов в ингушском языке. Ч. 1 // Вопросы теории и практики. Филологические науки. – 2016. – № 6 (60). – С. 164–168.
26. Тариева Л.У. Размещение лица Говорящего в классической лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 81–85.
27. Тариева Л.У. Размещение лица Произносящего во второй эргативной лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 96–100.



*Статьи в научных журналах  
и материалах научных конференций*

28. Тариева Л.У. К вопросу о родстве наречий места и различных дейктиков в ингушском языке // *Материалы региональной и научно-практической конференции: Вузовское образование и науки. Вып. 9. – Магас, 2011. – С. 34–37.*
29. Тариева Л.У. Морфологические показатели большей степени локализации в ингушском языке // *Материалы седьмой международной научно-практической конференции: Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. – Самара, 2012. – С. 310–314.*
30. Тариева Л.У. Клитики как показатели именных классов в ингушском языке (первый класс) // *Конденсивная типология естественных языков. Материалы 111 Международной научно-практической конференции языковедов. – Махачкала, 2012. – С. 148–154.*
31. Тариева Л.У. Клитики как показатели именных классов в ингушском языке (2–3 классы) // *Материалы региональной научно-практической конференции: Вузовское образование и наука. Вып. 10. – Магас, 2012. – С. 50–56.*
32. Тариева Л.У. Клитикование имен на базе категории постулированности / приобретенности в ингушском языке // *Кавказоведческие разыскания. Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили. Институт Кавказоведения. – Тбилиси, 2012. – С. 87–101.*
33. Тариева Л.У. Дейктическая иерархия первичных имен в ингушском языке // *Материалы региональной научно-практической конференции: Вузовское образование и наука. Вып. 10. – Магас, 2012. – С. 42–49.*
34. Тариева Л.У. Деривация наречий с суффиксоидным формантом // *Ученые записки. Серия Филология. – СПб., 2013. – С. 284–296.*
35. Тариева Л.У. Междометия ингушского языка с точки зрения онтологического измерения // *Материалы международной конференции: Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. – Нальчик, 2013. – С. 500–507.*
36. Тариева Л.У. Аффиксоиды в процессе генерации новообразований в ингушском языке // *Материалы VIII Международной научно-практической конференции: Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. – Самара, 2013. – С. 261–265.*
37. Тариева Л.У. Парадигма лица в ингушском языке // *Материалы III Международной научной конференции: Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 356–365.*

38. Тариева Л.У. Особенности функционирования билингвизма в Ингушетии // Материалы ежегодной научно-практической конференции: Объединяющая роль русского языка. – Назрань, 2014. – С. 112–119.

39. Тариева Л.У. Словосочетание с субъектными смысловыми отношениями, детерминированные эргативными диатезами // Материалы III Международной научно-практической конференции. – М.–Махачкала, 2014. – Ч. I. – С. 367–372.

40. Тариева Л.У. Лингвопрагматический аспект представления основного эгоцентрика // International Conference «Global Science and Innovation». June 24-25<sup>th</sup>. – USA. Chicago, 2015. – С. 240–245.

41. Тариева Л.У. Грамматическая представленность подлежащего двусоставного предложения // Всероссийская научно-практическая конференция: Вузовское образование и наука. – Магас: Южный издательский дом, 2015. – С. 164–171.

42. Тариева Л.У. Словосочетания с субъектными отношениями, детерминированными номинативными диатезами // Известия Ингушского Научно-исследовательского института им. Ч.Э. Ахриева. – Магас, 2015. – № 1 (4).

43. Тариева Л.У. Лингвопрагматический аспект высказывания. Ч. 2 // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2015. – № 6 (37). – С. 78–81.

44. Тариева Л.У. К вопросу о классификации ингушских глаголов // Материалы всероссийской научно-практической конференции: Вузовское образование и наука. – Магас, 2015. – С. 171–175.

45. Тариева Л.У. Интерпретация эмпатии как явления, связанного с языкознанием // American Scientific Journal. – United States USA. – 2016. – № 1 (1). – С. 119–124.

46. Тариева Л.У. Классификация глагольных групп в ингушском языке // Ученые записки. Серия Филология. Вып. 3. – 2016. – С.15–62.

47. Тариева Л.У. Интерпретация эмпатии, как явления, связанного с языкознанием // American Scientific Journal. – USA, Boston, 2016. – Vol. 1, № 1 (1). – С. 119–124.

48. Тариева Л.У. К вопросу о регулярных средствах образования каузативных глаголов в эргативном языке // Научный, образовательный, культурно-просветительский журнал: Язык, история и современность. Вып. 1. – Нальчик, 2017. – С. 92–111.

49. Тариева Л.У. Модальная функция и синтактика лица Созерцающего // Scientific light. Wroclaw? Poland. – 2017. – № 4. – С. 64–68.

В печать 11.05.2017. Формат 60x84/16.  
Печать цифровая. Бумага офсетная. 2.5 усл.п.л.  
Тираж 100 экз. Заказ № 60.

Отпечатан ИП Дорошенко В.В.  
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68.